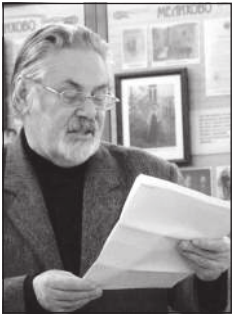

Геннадий ШАЛЮГИН,
Ялта

* * *

Мой отец прошёл войну
От границы до столицы.
Защитил семью, страну,
И березовые ситцы...
Как и тысячи бойцов,
Знал отец приказ суровый:
Пустишь фрица на крыльцо —
Будешь век носить оковы.

Снились воину луна,
И последний бой под Вязьмой...
Не его была вина,
Что не внемлет Богу разум.
Видел: фрицы целят в лоб.
Но, когда кончались силы,
То спасал отца окоп.
Для других он стал могилой...

Среди тысяч вражьих пуль
С криком встретил разрывную...
И упал в окоп, как куль...
Кровь. Бинты. Сестра колдует...
Мой отец прошел войну
Рядовым, простым солдатом.
Он победную весну
Встретил, списан и залатан.

Труд за подвигом — вдогон.
Инвалидность. Дети. Ватник.
Жил, страдал, но верил ратник:
Внуки — будут все в него...

* * *

Солдат солдату не прикажет,
Солдат солдату говорит:
Брат, впереди заставы вражьи,
И поле хлебное горит.
Горит крыльцо сиротской хаты,
Горят под Гомелем леса,
И на ресницах у комбата
Остыла смертная роса...
Война... Война... Гудит набат.
Война... Война... Крепись, солдат.
Солдат солдату не прикажет...
Горит и пахнет хлебом рожь.
Конечно, их Господь накажет,
Но пулей танка не проймешь!
И, заливаясь пьяным матом,
Шагает вражеская рать...
Взглянул в глаза солдат солдату:
Брат, приготовься умирать.
Война... Война... Гремит набат.
Война... Война... Прости, солдат.
Солдат солдату не прикажет,
Не закричит, не запоет...
Он далеко: стоит на страже
У райских радостных ворот.
А на земле в объятьях смерти
Лежат, умолкнув, мужики...
И сквозь простреленное сердце
Растут ржаные колоски.
Война... Война... Гремит набат.
Война... Война... Прощай, солдат.

АНТОН ШАЛЮГИН, РЯДОВОЙ

Антон Павлович Шалюгин,
рядовой, родился в 1903 году,
погиб (пропал без вести) в 1945 году...
Книга Памяти Свердловской области.

Защитил диссертацию по творчеству А.П. Чехова, проработал в ялтинском Доме-музее писателя 32 года, в т.ч. четверть века — директором.
Из биографии Геннадия Шалюгина.

Сквозит времен поток упругий...
Судьба, как тонкий камертон,
Свела фамилию — Шалюгин
С любимым именем — Антон...

Писатель Чехов в Таганроге
Родился, рос, ловил бычков.
Другой — явился на пороге
Кровавейшего из веков.

Боец и мой однофамилец
Антон Шалюгин, рядовой,
Был верный муж, семьи кормилец,
К тому ж — товарищ боевой.

Боец сгорел на поле брани,
И нет звезды над головой...
На косогоре безымянном
Стал васильками и травой.

В моей душе, как в теплом доме,
И в ясный полдень, и в ночи,
Живут два тезки, два Антона —
Две негасимые свечи...

Мне подвиг их безмерно дорог.
Такие люди — соль земли.
Прожили оба — чуть за сорок,
И смерть в Германии нашли...

...Я в Баденвейлере — впервые.
Кладу с поклоном васильки —
Цветы военно-полевые
На бронзу Чеховской руки...

НАША КАТЯ

Светлой памяти фронтовички
Екатерины Осиповны Дивногорской

Санитаркой простой в лазарете...—
Тяжело, но крепись и молчи.
По войне прошагали полсвета
Неподъемные кирзачи.
Катя! Катя! — сухими губами
Ее звали в горячке бойцы.
Катя раны бойцам бинтовала,
Сокрушаясь: какие юнцы!
У Андрея прострелена шея,
А Василий лежит без ноги...
Санитарка, как добрая фея,
Прилетала на крик: помоги!
Приходилось стирать и портянки,
И корыта кровавых бинтов...
И случалось: немецкие танки
Били в госпиталь из стволов.
Наша Катя во Вроцлаве польском
Завершила военный поход.
И с медалью, горячей, как солнце,
Обиходит родной огород.
Отгремели победные пушки.
Стаи лет пролетели, и вот —
Собрались старики и старушки,
Все, кто были советский народ.
На торжественный праздник Победы
Наша Катя, увы, не придет...
Не поднять из могилы и деда.
На могиле рябина растет...
Мы — ровесники славной Победы...
За плечами — по семьдесят лет...
Не пришлось лихолетья изведать —
И, признаться, желания нет.
А в Донецке каленые пушки
Бьют и бьют — будто немец напал.
И дрожат старики и старушки,
Как в могилу, спускаясь в подвал...

ЭПИТАФИЯ ВЕТЕРАНУ

Вы — ветеран. Вам много лет.
Вас мочевой пузырь поднимет
Глухою ночью в туалет.
И вдруг — свое забылось имя...
В глазах темно, свистит в ушах,
Предательски дрожат колени.

Вот овладел душою страх,
И жжет, как будто лампой, темя.
Что делать? Плачет ветеран.
Кто он? Семен или Василий?
Так, маскируясь болью ран,
Подкрались старость и бессилье...
Всю жизнь держался начеку.
Настал последний бой солдата!
Но нету сил, чтобы чеку
Рвануть, и телом — на гранату...
Теперь навеки отпускной,
Шагнул в потемки вечной ночи...
И старой пули разрывной
На коже проявился росчерк...

ФРОНТОВОЕ СЧАСТЬЕ

Я засветил свечу в часовне
Во имя павших на войне.
Им несть числа, их миллионы —
Как первоцветов по весне.

Горело тело в жгучих клеймах,
За жизнь дрались, что было сил.
Их чудотворец Пантелéймон*
От рваных ран не исцелил.

А смерть неутомимо жала...
Не обозначен ей предел...
Как зерна, души отвевала
От шелухи ненужных тел.

И фронтовое счастье с виду
Не краше «девушки с косой»:
Отец вернулся инвалидом,
Побитый пулей разрывной.

А тесть прошел проверку адом —
Сидел в немецких лагерях...
Но у живых — своя отрада:
Несли Победу на плечах.

И потому в начале мая
Каштан отчаянно цветет:
Он сотни свечек возжигает
За всех, кто помнит и живет...

* В церковной традиции произносится — Пантелéймон с ударением на «е».